

Землепроходец [Об Алексее Звереве]

Подвиги сибиряков в Великой Отечественной войне восходят к беспримерному мужеству русских землепроходцев. Московские и новгородские воины, пашенные мужики, казаки шли севером и югом, продирались через тайгу и реки, сухим путём и мокрым, и были что огонь, которым можно было и «обогреться», и «обжечься».

Род известного талантливому писателя Алексея Васильевича Зверева, воина, учителя, писателя, великого труженика, восходит к первым казачьим поселениям в окрестностях Иркутска. Предком его считают в семье казака Данилу, пришедшего в Сибирь триста пятьдесят лет назад. Он обосновался в Ошуне, что в десяти километрах от села Усть-Куда вниз по течению Ангары. Имя Даниила зафиксировано в книге церковных записей. Прозвище Зверь отражало его одинокий образ жизни в тайге.

Семейное древо разрасталось пышно, питая корни и крону трудом крестьян и строителей, тружеников-интеллигентов, воинов.

Отец писателя Василий Романович — крестьянин, председатель сельскохозяйственного товарищества в Усть-Куде; дед Роман и его двоюродный брат плотник Кирилл строили в Камчатнике дачу князю Волконскому.

Дети и внуки Василия Романовича, дожившего до 1955 года, оставили заметный след в литературе, науке, живописи. Старший брат Алексея Васильевича Петр Васильевич воевал, окончил академию им. Крупской, был учителем и преподавателем политэкономии в институте иностранных языков. Его сын Анатолий Петрович Зверев тоже воевал — на Карельском, 3-м Белорусском и Забайкальском фронтах, защитил диссертацию, написал две книги — о трудовых ресурсах колхозов Иркутской области и о путях улучшения использования рабочей силы в сельском хозяйстве. Проблемы, поставленные в них, актуальны и сейчас.

Дело Алексея Васильевича достойно продолжают его сын — художник Валерий Алексеевич, внучатый племянник подполковник Юрий Анатольевич и др. Важно не растерять во времени новые ветви семейного древа.

Интерес к проблемам экономики, к судьбам крестьянства был в семье Зверевых наследственным. Алексей Васильевич вспоминал: в быту, в хозяйстве, в земледелии семья отличалась культурностью. Здесь первыми в селе стали сортировать и формалинить семена, рационально кормить животных.

Неизменно светло и благодарно вспоминал писатель отца и свою большую семью, где за стол ежедневно садилось двенадцать человек, где никто не курил, а водка была редкой гостьей. Мать писателя звала избу «нардомом», где все были певучими, любили острое слово. Здесь не умолкали балалайка, гитара, гармонь. Первые на селе артисты, рассказчики, декламаторы, ораторы вышли из этой семьи.

Отцу писателя Василию Романовичу уготована была поистине трагическая судьба. Крестьянин-середняк, уравновешенный, невозмутимый по характеру, всегда одержимый задумками, он вступал в жизнь, когда революционные бури пронесли по стране. По осиротевшим полям прошли восставший Чехословацкий корпус, семёновцы, Колчак. Рачительный хозяин, порвав с колчаковцами, стал первым председателем волостного исполкома. Большие надежды внушил нэп, и он купил молотилку, стал лавочником. Суровая по характеру мать Татьяна

Павловна, нажившая в работе приличный горб, отводила, и не раз, беду от мужа, от его неожиданных и часто необдуманных предприятий. «Кажется, — отмечает Алексей Васильевич, — она была умнее отца». Раскулачивание обошло семью стороной, и, может быть, потому о нэпе писатель вспоминал часто и искренне желал возвращения крестьянину воли в хозяйствовании. Он знал в этом толк. Но суждено было пережить очередной поворот, излом крестьянского уклада жизни в годы коллективизации.

Главным в судьбе и творческой биографии было чувство коллективизма, согревавшее в самых трудных ситуациях. Он всегда помнил, как коммунары решили отправить его учиться на собранные для этого средства. «Я выполнил их поручение». Учился, в сущности, всю жизнь. Перед самой войной уехал с этой целью за старшим братом в Горьковскую область, где и окончил курс в учительском институте.

Неизвестно, как сложилась бы судьба, если бы не гибель брата на финской войне. В 1940 году Зверев вернулся в Сибирь. Здесь и застала его война, и он ушел в армию добровольцем. Предложили в армии поучиться на минометчика, и он выучился.

Немыслимо тяжким оказался путь будущего писателя из центра России в Сибирь, а затем через всю страну — на фронт. На войне участвовал в самых горячих сражениях: курско-орловское направление, освобождение правобережной Украины.

Война переломила биографию писателя, как и судьбу страны. Зверев зажил на фронте в стихии народного характера. По праву старшего в своём подразделении (ему было двадцать восемь — тридцать два года) он был отцом и другом солдат. Их судьбы повторились потом и обрели новую жизнь в повестях, рассказах, романах, в публицистике начинающего писателя. «Смотри-ка ты, молодой, а седой», — сказал кто-то из молодых писателей, когда Алексей Васильевич пришёл в литературу.

В биографии героев его повести «Раны» (1976) буквально разбросаны подробности его собственных дум и переживаний и, конечно же, истории тех, с кем вместе воевал. Бывший пахарь, солдат Евлампий Гневышев, капитан Дахов, горячий юный кавказец Умраян Грант, медицинская сестра Леля, учитель Волков, художник Трунов, лейтенант, вчерашний школьник Лукахин, артиллерист Катков, бесшабашный в прошлом солдат Ивкин, готовый с войной подружиться, капитан Сопунов — много их, кто помог, по признанию писателя, «впервые узнать понятие «народ» в непосредственном его рассмотрении». Люди из училищ и учреждений, от станков и плуга «образовали огромные семьи, названные полками, дивизиями, корпусами, открыто, оголённо стали вместе спать, есть и пить, мёрзнуть и голодать, болеть и умирать, смеяться и плакать. Так возникло глубочайшее чувство дружбы и товарищества. Тепло этого людского единения очень сильно и долговременно».

Модно говорить сейчас, что реализм устарел, да и русская литература «умерла». Прозаик Зверев убеждает: реализм неиссякаем. Он обогащён выразительной символикой войны-костра, образом выздоравливающей страны. Питательные соки его — народные рассказы, прибаутки, меткие поговорки. В нём опыт автора, почти неотделимый от опыта воюющего народа. В нём быт, поднявшийся до знака бытия. Язык Зверева неповторим в своей образности, глубинной народности. Писатель органично влился в мир художественной прозы, которая поименована была в те годы «деревенской» и по достоинству оценена сегодня. Зверев вошёл в число выдающихся мастеров возрождающейся заново национальной литературы.

Выверяя судьбу своих героев опытом народа, писатель не мог не обратиться к проблемам не менее острым, чем война, — экологическим. Его повесть «Лыковцы и лыковские гости» (1980) не только о разорении земли и водных источников Сибири. Она о крушении человека, пытающегося отгородиться от общей судьбы. Иные готовы совершить преступление и сесть в тюрьму, лишь бы не идти на фронт. Укрывшись от коллективизации в жутких лачугах на берегу Ангары, они превратились в хищников, грабителей природы, как и защитники этого промысла — большие начальники, любители «рыбалки».

В 1989 году, уже будучи очень больным, Зверев публикует в «Восточно-Сибирской правде» потрясающий силою художественных обобщений очерк «Семья». Поверив в блага объявленного тогда семейного подряда, сравнив его с фермерством, писатель заговорил о потере крестьянской души, об «ошарашивании воли» земледельца, о жестоком безвременье, переживаемом деревней. Мужество ветерана войны на закате судьбы проявилось в главном протесте против шельмования самого святого чувства — патриотизма.

Патриотизм для А. Зверева — чувство не показное, совестливое, некрикливое и «выражается в работе, в деле, в ратных делах». Патриотизм, повторял он, «душа нации», её характер, обрётённый в трудном, трагическом движении народа. В статье «О друзьях-товарищах» (1982) он пишет: «Наш, русский патриотизм взращён веками несчастий, бед, страданий, поражений и побед, мучительного обретения независимости, вековой мечты о социальной свободе». Биография истинного художника, сына своей страны, есть и биография родины.

Путь, пройденный Алексеем Зверевым, свидетельствует именно об этом.

Вост.-Сиб. правда. 2000. 23 февр. С. 3.

«Это всё живёт во мне...» К 60-летию Анатолия Горбунова

Н.С. Лесков в 1880 году, ссылаясь на книгу Горация «Искусство поэзии», напомнил: «Прежде чем станешь писать — научись же порядочно мыслить». Об этом писал и Ф. Достоевский: «Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой» («Журнальные заметки»). Достоевский настаивал: «Наше томительное сознание и наше томительное недоумение... при взгляде кругом» привело к явлению Пушкина, и «потому он первый и заговорил самостоятельным и сознательным русским языком» («Книжность и грамотность»).

В «Дневнике писателя» Фёдор Михайлович констатировал: «перестаём родиться с живым русским языком — и давно уже. Живой же язык явится у нас раньше, как когда мы совсем соединимся с народом».

Современная русская поэзия показывает: есть примеры уцелевшего слова, способного отражать точный смысл бытия, быт и мысль, что и есть истинная жизнь стиха.

Много открытий в этой сфере для читателя и почитателя истинного таланта Анатолия Горбунова. Можно без преувеличения сказать, что поэзия — его родной язык, а «простонародность» — яркое выражение живости народного сознания.

Анатолию Константиновичу Горбунову — поэту, прозаику, мудрому знатоку природы — шестьдесят лет. Возраст зрелости, в который вступили ныне дети вой-

ны, перенасыщен трагическими событиями. Ими жила страна все эти шестьдесят лет, испытывая на прочность характеры своих сыновей.

Подумать только, на одну человеческую жизнь может пасть так много испытаний: голодное военное детство в обнищавшей до предела деревне, в юношеском возрасте — перевороты, борьба за власть в верхах, обманчивая хрущёвская оттепель и смута в умах шестидесятников. От начинающего поэта требовался опыт зрелого мужа. Ведь именно в 60-е началось яростное наступление на возрождение национальной мысли. Эти процессы усилились к середине 80-х и продолжают до сей поры. Для думающего и всё понимающего человека не много ли?..

Мужество слова и самостояние — от крепких крестьянских корней. Рождением и ранним духовным прозрением поэт обязан затерянной на севере Иркутской области деревеньке Мутиной, лесной и пашенной, далёкой и всегда близкой.

Семья была большой, многодетной — десять детей, и в условиях войны, да и послевоенного лихолетья, изживать нужду было особенно трудно. Спасением явилось то, что отца миновала солдатская судьба (к началу войны ему было под пятьдесят), но военного лиха он тоже хлебнул. Односельчане выбрали его председателем колхоза.

Выращивали хорошие хлеба, ячмень, овёс... и были голодны. Война прибирала к рукам не только призывников. Деревня снабжала фронт продовольствием. Анатолию не было и двенадцати лет, когда умер отец.

Матушка Прасковья Петровна — из семьи воронежских ссыльных. Кажется, она обладала даром гипноза, снимая прикосновением руки головную боль. Она знала много песен, сказок, прибауток, и подарила сыну не только талант писателя, но и науку лечения травами.

Постоянная нужда и жизнь при лучине — не самое страшное. Горько было видеть, как побежала из деревни молодёжь, как стали исчезать заимки, да и целые деревни. Значит, есть тому причины? В такие минуты небо казалось пустым храмом, а смеющееся утро обрывалось тревогой при виде «пустого поля для труда». Плач матери воспринимался как плач России. Казалось, жизнь сошла с привычных устоев, а суматоха преобразований нарастала. Срывали с обжитых мест: шло «укрупнение» хозяйств, создание коопзверопромхозов, тут же превращаемых в лесхозы. Тогда и родились строки:

Гроза грядёт.

Кувалда и топор

*сметут шестистолбовые поганки,
и подлецам на пожелтевшем бланке
народ напишет смертный приговор.*

Грозы не случилось, а шоковые реформы продолжают как революция сверху. Разговоры о политике поэт обычно прерывает словами: «А давайте прочитаю стихотворение. Сегодня написал».

Горбунов не просто художник с колоссальным запасом незаёмных, необыкновенных слов. Он поражает трудолюбием, неустанной поэтической работой сердца, открытой миру. И мир, охваченный смутой и потрясениями, бывает и глубок и трагичен, как и здравствующий вопреки всему природный светлый рай.

Поэт зорко отмечает, как в топке парохода плачет белая берёза, гром ударяет с неба как бубен, «молочные шишки на кедрачах», а рядом — зарастающий крапивой завод. Всё — рядом, всё — предмет поэтического раздумья, и стихи приходят сами, отливаясь в суровые и светлые строки.

Где, на какой земле возможен ещё всплеск такого таланта? На чём строится в дисгармоничном мире ясность мысли?

В сборнике очерков и рассказов «Тайга и люди», изданном в Иркутске в 1982 году, накануне неслыханных потрясений перестроечной поры, перед читателем предстал образ человека, чистота и ясность, доброта и пронизательность которого способны очистить душу самого «заросшего жизнью» и ожесточённого ею. Эта книга и сейчас, многие годы спустя, поражает ясностью исповеданий.

Эпиграф из М. Пришвина «Охранять природу — значит охранять Родину» отражает главный смысл первой прозаической книги поэта. Истинная боль, страдание судьбе живой природы и меньшей братии просто берут душу в плен, держат её цепко, очищают и просветляют. Если бы на этой книге стремились мы воспитывать детей!

В очерках «Черемшатники», «Птичьи слёзы», «Напарники», в рассказах «Петровановы», «Чалдон», «Соболькин фарт», «Предзимье» поведано о многом: о том, как мудро устроен природный храм, как в нём всё взаимосвязано, о людях — сельских тружениках, души которых навеки срослись с великим чудом — могущественной рекой Леной, тайгой, со всем живым и беззащитно-хрупким.

В природе, отмечает автор, «любая Божья тварь полезна», даже комары, летучие мыши, совы. Все они — или корм птицам, или санитары. Оттого и в заветах стариков, охраняющих пернатых, говорилось: сов и филинов не истреблять — несчастье будет. Вольная птица клёт способна в неволе объявить голодовку. Горихвостка, выхаживая птенцов, прилетает к ним до четырёхсот раз в день, а ласточка — до трёхсот пятидесяти.

О хищных двуногих автор говорит сдержанно, хотя тон повествования о торгвцах птицами, не замечающих слёз птичьих, перерастает в гневное обличение. Рассказы-очерки объединяют авторские вторжения, их открытые предупреждения: «Говорят, птицы — души умерших людей», «Грубо вмешиваясь в природу, мы нарушаем незримые её взаимосвязи», «За всю свою жизнь я не убил ни одной хищной и певчей птицы. Уверен, что уважение к пернатым друзьям во мне заложено ещё с детства».

Возникает вопрос: могут ли быть напарниками люди, спасающие из полыньи сохатого, и те, что постоянно пакостят в зелёном храме? Туристы, например, грабящие попавшееся на дороге зимовье, или бросающие горящие сигареты? «Не от сухой грозы полыхают леса, от людского безобразия».

Вторая часть книги, посвящённая людям таёжного приленского края, исполнена любви и поклонения. Какие это люди — Петровановы, Округины! «Мутинцы приветливы и гостеприимны. Зайди к любому, попроси помощи — не отвернётся. Вероятно, — читаем в рассказе «Петровановы», — человек, возросший в суровых условиях Севера, добрее южанина, ибо без доброты человеческой здесь жить невозможно». По берегам Лены, как и по всей стране, тяжело прошлись «война, бесхлебица, поставки, работа в колхозе от зари до зари», но не вытравили в людях святой отзывчивости, прочности, заботы о будущем родного края. Пелагея Захаровна Светлолобова говорит в финале рассказа «Петровановы»: «Грех отсекают корни от родной земли. Здесь мы со стариком родились, здесь и помирать будем, как родители наши. А детям пусть сердце подскажет, где век вековать». Упоминание о детях не случайно. Здесь считалось, что «не в богатстве смысл жизни человека — в детях. Дети — совесть наша».

Долго рушили эти опоры жизни, но не истребили до конца щедрости души,

питающей себя согласием с миром необыкновенной природной мудрости и гармонии. Яростные ручьи под мирным синим небом, «серебряные рыдания» улетающих журавлей, синие прогалины реки — все красоты мира и его контрасты формировали характер, подобный тому, каким он был у живущего восьмой десяток чалдона. В горбатой избе с однокрылыми ставнями жил тихо, независимо, никому не в обузу. Душевный лад человека, живущего в условиях жгучих морозов, «шарахающих заморозков», сменяющихся обманным теплом, прочен и благодетелен. К нему и тянется всё живое вокруг. В избе Светлолобовых квартирует горностай. Жаворонок приживается по несчастью в доме повествователя. Эту Божью птицу, считалось, убивать нельзя. Охотничий пёс Соболька — глаза и уши хозяев, на каждую живность лаает по-разному.

Есть что-то идущее из глубины веков в описании нравов таёжных жителей. И всё это ещё сохранилось в 70–80-е годы минувшего века. Тревожные, горькие ноты прозвучали в книге «Тайга и люди» как предупреждение, как знак наступающего неблагополучия. Появились люди-хищники, наживающиеся на богатствах тайги, обозначилось равнодушие верхов — не доставляли вовремя солярку, опустели поля. Вывезли в Бодайбо коров, и жить стало нечем. Земля-кормилица стала ненужной. Такими были предвестники перестройки, этой революции сверху, сделавшей жизнь северян невыносимой.

Поэзия Горбунова исходит из простоты и ясности прозаической жизни и чудесным образом преображает её. В книге «Звонница» сказано:

*Для вас деревня — хлеб, яйцо,
Медовый дождик с небосвода...
Для нас она — душа народа,
Национальное лицо.*

Биография складывалась так же, как у многих выпускников средней школы конца 50-х — начала 60-х: армия, после службы поиски себя и своего места под солнцем. Работал кочегаром, лесоповальщиком, электромонтёром, механиком на судах Ленского пароходства, бортрадистом на самолётах гражданской авиации. Верно говорят: талантливый человек талантлив во всём. Рабочий и механик на судне, бортрадист на самолётах — для всего надо иметь способности и золотые руки. Помимо того, стал писать стихи, и в 1972 году принял участие в конференции «Молодость. Творчество. Современность».

В литературу поэт пришёл в середине 70-х, в относительно благополучное время, и выразил себя в основном в лирических стихах о природе. В усложняющемся мире судьба её не могла не волновать. Первая книга «Чудница» вышла в 1975 году в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», была замечена критикой. Автор предисловия к ней Д. Ковалёв писал: «По стихам А. Горбунова не только легко узнать биографию автора, но и увидеть Сибирь, её людей с их характерами и сметкой, привычками, игривостью и скрытой скорбью, неуступчивостью трудностям и бедам... Наконец, в стихах А. Горбунова пронзительная, бережная любовь к этой, обжитой лучшими людьми России, щедрой и в то же время неподатливой земле»¹. Молодой поэт был отмечен Почётным дипломом на Всесоюзном литературном конкурсе им. Н. Островского, стал участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей. «Чудницу», в том же 1975 году, опубликовало Восточно-Сибирское книжное издательство.

¹Ковалёв Д. Об авторе // Горбунов А. К. Чудница: Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 4.

Поэтический слог при огромном запасе жизненных впечатлений мужал быстро. Язык, с которым он имел счастье родиться, резко выделялся своеобычием и гибкостью. Поэзия Горбунова быстро и прочно утвердилась как национальная. Преданность началам русской жизни, природе и языку, талант и мужественный взгляд на мир не изменили Горбунову за всё тридцатилетие его творческой жизни. Талант писателя вырос из собственной жизни и, обогащаясь её многотрудными плодами, стал солидным вкладом в духовную жизнь страны в пору её крутых перекатов.

Как мужало перо поэта, можно судить по книгам «Звонница» и «Перекаты», выстраданным в преддверии грядущей перестройки: «Звонница» увидела свет в 1985 году и отражает преимущественно спокойный, лирический настрой.

*Берёзовая звонница.
На ветках свет колышется.
Она так ясно помнится,
Она так ясно слышится!*

Древо обрядовой Руси, праздник берёзовой Троицы появится и позднее, но в другом облики. К несчастью, уходит из памяти святой и чистый образ, распутан праздник, ею согретый. И горько, что порушена его красота не печенежскими копытами.

*Другое племя, — бесприютное,
Везде гонимое за ложь,
Больное, алчное, распутное, —
В славянских гнёздах
прижилось.*

Всего три года отделяют «Звонницу» от книги «Перекаты» (серия «Сибирская лира», 1988), но как резко изменились интонация и голос автора! И это не случайно. Именно 1988–1989 годы обнажили, чего стране ждать от нового поворота — к капитализму. О человеческом лице, обещанном при сохранении социализма, речи больше не шло.

Скрытая тревога стала явственной, и красной нитью проходит через сборник «Перекаты». Название-то какое точное! Перекатам, перепадам, тревоге нет конца. В стихотворении «К матери» это состояние выражено пронзительно и точно.

*По отцовской земле
Сеют лютые люди вражду.
Долго-долго ещё
Будут шастать они
по дорогам,
Истребляя леса,
Красоту убивая вокруг.
И, пока я живу,
Мне не будет, родная, покоя...
Дождь шуршит по овсам,
Я сутуло бреду на погост.*

Тема Сибири-колонии не в первый раз возникает в творчестве писателей-сибиряков. И неспроста. В наше время смысл глобальной колонизации проступил ещё более откровенно, и Горбунов выразил это. Высота трагизма, переживаемого континентом, обозначена чётко, образно, и пронизана болью народного мирови-

дения. Немало увидела сибирская земля «затейников», что кричали: «Долой уклад патриархальный. Деревню старую долой!».

Вот и стоит она без света, хотя и обвитая дорогами и проводами. «На грани катаклизма» люди «делят огороды, на огороды делят звёздный мир». Неземные туманы легли на лик Земли. Трель пролётного жаворонка падает на ржавые кочки. Бездонна тухлая вода. Трясина! Гарь!

В стихотворении «Гроза» глубокая русская восприимчивость соединилась со смелостью и точностью образного языка. Читатель видит: прорастают на мирной земле зёрна крови, клубится горький туман. Души убитых превращаются в горький дым, тела — в обелиски. Грозою пахнет хлеб, замешанный на пепле и на крови.

*Страна полей, жила ты не в ладу,
И вот случилось в одно большое поле,
В одну континентальную беду.
В одну судьбу и помысел о воле.*

Вклад поэта в сокровищницу народного понимания жизни не исчерпывается напоминаниями о бедах, о причинах «русских зигзагов» (Ю. Кузнецов). Как православный человек, он не теряет надежд на опаматование и прозрение.

*Я верю, сгинут неурядицы
Под перебором отчих струн.
Берёзки в ленты разнарядятся,
Взойдёт на радугу Перун.*

Мир противоречий и несогласья под пером поэта обретает космический, глобальный смысл. Уже не уйти человеку от всего, что нагромоздил на планете. Но... ещё шумит тайга, «струится солнце в голубую вечность»...

*Всему свой срок, всему
свой хлеб и путь,
Покой и грозы, лавры и камня.
И, стоя на вершине, не забудь,
Что существует сила притяженья.*

Это и есть жизнь. «Жизнь» — назвал он эти стихи.

Горбунов неуклонно развивается в русле национальной традиции. Последние десять — двенадцать лет его поэтическое сознание движется по двум руслам: гражданская поэзия и стихи для детей. Их поэт рассматривает как завещание самым маленьким, душа которых особенно ранима. Книга для детей «Журчинки» (2000) получила признание.

Что касается гражданской темы, то она прорывается сегодня на газетно-журнальных страницах и в глубоких обобщениях его экспромтов, и в стихах и поэмах, осмысливающих такие неподъёмные для многих современников темы, как эволюция крестьянской души или необъяснимое молчание народа перед лицом катастрофы.

«Мысль — вот источник страдания», — повторил за Ф. Достоевским один из героев Л. Леонова. Вот как пробивает она русло в стихах-эпиграммах Горбунова:

*Не торжествуйте, лилипуты,
Рожая опусы как мух.
От вашей ненависти лютой
Не изойдёт славянский дух.*

(Лилипуты)

В стихотворении «Мухи» тема получила жёсткое, правдивое продолжение².

*Ветераны российской разрухи
В небе крыльями резво шуршат,
Улетают зелёные мухи,
Улетают они в США.*

*А навстречу спешат голубые,
Тоже славных навозных кровей.
— Бить их надо, они же больные! —
Чик-чирикнул с куста воробей.*

*Но заглавная муха сказала,
Сев на редьку, а может, на хрен:
— Не волнуйся, тут нет криминала,
Это просто «культурный обмен».*

Как видит читатель, уцелело, заиграло всеми оттенками народное слово, отразилось время. Подключилась к нему и природная стихия в её простонародном выражении. Что может быть значительнее столь прочной реалистической основы творчества?

Жизнь развеяла дым ожиданий, и поэт мужественно сказал о новом состоянии мира, при котором трудно предсказать ход событий. Об этом его поэма «Пастух (Кнутониада)», переключая трагическую ноту в новое состояние — трагикомедии. И ранее поэт писал об Иванушке-царевиче, который видел, как «счастье уплывало, растекалось по усам, в рот не попадало», но пить-гулять, да ещё рядом с волком серым, не уставал. Итог: карман пуст, волк в леса подался, один Иванушка на дороге столбовой. Появлялись в стихах и образы людей с синью подёрнутыми глазами, и герои-ослушники, кидающие в солнце камни. Ещё недавно всё-таки верилось, что небесная «радуга — живая связь времён — два берега любви соединила».

Любовь и горечь в душе лирического героя стали устойчивым сочетанием. В поэме «Пастух» сталкиваются двое — пастух и городской мыслитель, — одинаково комично безобразные как в ловкости оборотничества, так и в страхе перед силой хозяина, шагающего во власть. Отгорели остатки бунта.

*Переворота в России
Даже не выдержал скот.
Ждёт не дожждётся мессию
Духом упавший народ.*

Недавно грозный пастух с очами, налитыми кровью, играя кнутом, вещал: выкнутим гнусь из дворцов, «сбросим с хребтины народа демократический гнёт». А его собеседник — «пуганый, дёрганный, бледный», «ветры от страха» пустивший, бережёт как орудие пролетариата пастуший кнут.

Один из этих «бунтарей» в гневе изрубил кнут, а потом пожалел. Другой, заседа в думе, «нацию давит в плющатку» по демократическим законам.

Отчаянным усилием воли возвращается повествователь к миру, где ещё можно стоять на ногах.

²Это стихотворение и рассмотренные ниже поэмы «Пастух» и «Сибирь» войдут в книгу А. Горбунова «Страна речная»: Стихи и поэмы. Иркутск, 2004. — Сост.

*Тихая, тёплая осень,
Дали насквозь голубы —*

это в начале поэмы. Это же и в конце:

*...А за окном серебристо
Зяблик на подвиг зовёт.*

*Травы умыты дождями,
Скоро полезут грибы.
Эх, не везёт нам с вождями:
Купле-продажные лбы.*

Трагикомический поворот событий в «демократической» России — подлинность, горькая реальность. Молчать о такой «прозрачной остыни» автор не может. В поэме звучит отторжение её.

Трагикомедия, увы, не первая в стране. Вспомним, как Н. Гумилёв перед гибелью осознавал подобный образ мира, подобное состояние умов:

*Трагикомедией —
названием «Человек» —
Был девятнадцатый,
смешной и страшный век.
Век страшный потому,
что в полном цвете силы
Смотрел он на небо,
как смотрят в глубь могилы,
И потому смешной,
что думал он найти
В недостижимое
доступные пути;
Век героических надежд
и свершений...*

Об этом же писал и С. Есенин в поэме «Страна негодяев».

В размышлениях о судьбах Сибири Горбунов пришёл к пониманию самых острых и остающихся в зоне табу проблем. В поэме «Сибирь» первая часть посвящена древнему периоду её истории, времени, когда бескрайняя земля «жила по совести», когда в ней «от поля хлеба до чума дальнего вопроса не было национального». Словно у двух богов сидел за пазухой трудолюбивый и добрый человек. Тот, который вошёл в историю как носитель особого дара — характера сибирского. Во второй части поэмы поведано, что помешало ему до конца сформироваться. Поэт возвращается к проблеме колонизации края, превращаемого в места ссылки как бунтовщиков, революционеров, так и преступников.

«Окоммунарившаяся» Сибирь познала хаос, репрессии, казни, пожары. В деревню из города стали возить хлебушко.

*Подекабристили
Друзья-приятели,
Покоммунистили,
Подемократили!*

Что же в остатке ушедшего столетия? Одно: надежда на суд истории и на разум обездоленного народа.

Тайна мастерства, опирающегося на мудрость народа, неисчерпаема. Язык, на

котором говорит герой, противостоит злой и разрушительной энергетике, опутавшей сознание. Полнота чувств в защите опыта отцов, в защите природы позволяет надеяться на то, что крестьянская Россия выстрадала своего верного защитника. Значит, и сама она жива и бессмертна.

Сибирь. 2002. № 1. С. 192–199.

С любовью и верой... «Осенний пал» Василия Забелло

Новая книга Василия Забелло поэтически точно и глубоко отражает смысл и содержание его раздумий о времени³. В его судьбе они не были простыми и лёгкими. В них как бы сфокусировались и подъёмы духа, и горечь утрат, ощущение радости бытия и печаль от сознания тупиковых путей не своих — Родины. «Осенний пал» — образ ярких цветовых излучений умирающей природы, дыма очищения от накопившегося мусора, печали полей и собственного вступления в новую пору жизни. Всё в книге — стихи, проза и публицистика — пронизано светлой тревогой и решимостью заступить на служение родному краю.

Родился Василий Константинович Забелло в 1947 году и рос в небольшом селе Утулик, приютившемся на берегу Байкала, как бы обозревая его несказанную красоту и мощь. Чудо-озеро, мощные скалистые берега его, богатая и тогда ещё нетронутая тайга рождали характер ясный, сильный и поэтический. О верности родному краю и очагу поэт сказал так: «Себя и мир свой помню с трёх лет... Взяться за перо меня заставила родная природа, ставшая моей сутью не меньше собственной души». Запечатлел поэт и отношение земляков к творчеству: «“Это ты сам написал?” — спросила соседка. А мать, как бы извиняясь за меня, ответила: “Ему за это деньги заплатили”».

Байкал стал колыбелью многих талантливых сибиряков. «Годом чуда и печали» назвал Бородин один из счастливых эпизодов детства, протекавшего в тех же местах, что и у Забелло. Воспоминания о той поре согревают его всю жизнь и в трудные минуты воскресают в его книгах.

Читателю не надо напоминать, что рассказал о Байкале Распутин. Не один год жизни, душевной и творческой энергии отдал он защите озера. Энергия Байкала, сияние его чудес живут в стихах и прозе Румянцева, в публицистике и драматургии Вампилова, в книгах Китайского, Суворова, Горбунова, прозе Зверева, Гурулёва, Нефедьева... Слава Богу, что писателям-сибирякам удалось запечатлеть и оставить на память потомкам не сохранённую, но ещё сияющую красоту.

К началу 80-х годов, когда Забелло пришёл к широкому читателю, яростные споры о путях развития поэзии поутихли.

Поэты-лирики новой волны, окрещённые тогда «тихими», возвысили голос за природное бытие homo sapiens, за его священные глубины, включающие в историческое бытие и сосульки на деревьях, и листья липы...

В. Соколов, которого считали родоначальником новой лирики эпохи научно-технического прогресса, так и писал:

³Забелло В. *Осенний пал: Стихи, рассказы, публицистика*. Иркутск: Изд-во «Иркутский писатель», 2001.

*Нет школ никаких. Только совесть
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод, и жар.*

Но вернёмся к биографии Забелло. В суровом времени его детства и юности ещё оставалось место романтике, вере в мощь государства и в возможности изменить всё к лучшему.

Детство, как и других детей, появившихся на свет после войны, было трудным, при живом отце — безотцовским. Лишь позднее, когда семья воссоединилась, и бывший фронтовик стал работать лесником, будущий поэт вместе с отцом стал постоянным обитателем загадочного мира. И чувство это сохранилось на всю жизнь. Сформировался характер человека мудрого, чуткого, мужественного.

Школьные годы частично прошли в Слюдянке и Байкальске и тоже не отрывали юношу от родных мест. А после школы — армия, флот. В газете «Тихоокеанская вахта» и появились первые поэтические опыты уже познавшего мир паренька.

В армию Забелло пришёл не безусым неискушённым юношей. Как ни горько об этом сейчас говорить, но не проходит даром для формирования характера производимая в нежном возрасте его ломка. Уже укоренённый в светлом природном мире, юноша стал неожиданно свидетелем жестокого и бездумного разрушения этого мира. О новостройках в Прибайкалье, в том числе о дважды начинавшемся строительстве Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, он напишет позднее: «А мы и понять не успели, отчего у кедра иголки мякноткие, а реки, даже зимой, зелёные, не успели понять и ощутить толком жизненную потребность и необходимость в байкальской красоте, а уже замахнулись на эту красоту. И как только рука поднялась». На глазах омертвели заливы и губы, обеднел южный берег, «разлетелись в пыль» некогда крепкие, коренные фамилии родной деревни. «Велико твоё создание, Господи!» — всегда хотелось воскликнуть вблизи озера-батюшки герою очерка «Эксперимент продолжается». Но к этому нельзя не добавить горечи воспоминаний о строителях: были это заключённые, и их мир и повадки не остались незамеченными: «...подавляющее большинство моих сверстников пополняло армию осуждённых» (Осенний пал, с. 243).

О том, как совершалась порча русского сибирского характера за счёт сбрасывания в Сибирь преступного мира, написано немало. Забелло сказал об этом своими, идущими от сердца словами. Его сверстникам нынче чуть за пятьдесят, и это поколение было не только искалечено вредоносными стройками типа БЦБК, но и попало в жестокую обработку перестроечных «реформ», в ходе которых под лозунгом всеобщего омоложения кадров выбросили за борт одну из самых продуктивных возрастных групп. Пятидесятилетние по нынешним временам старики.

Печататься всерьёз Василий Забелло начал в конце 70-х годов в иркутских газетах и альманахе «Сибирь» после признания его таланта на областной конференции «Молодость. Творчество. Современность».

Но путь был неспешным. Стихи выходили в коллективных сборниках «Начало» (1981), «Час России» (1988), в журналах «Литературная учёба» (1983) и «Сибирь» (1983). Первые книги «Ледостав» (1988) и «Возвращение» (1990) пришли к читателю в час национальной катастрофы: именно в конце 80-х обозначился смысл курса «реформ». Быть поэтом в такую эпоху нелегко. Но жизнь оставила и утвердила как незыблемую ценность любовь и веру в могущество созданного

Богом мира и осознание, что надеяться остаётся лишь на самого себя. В возрасте тридцати восьми лет принял крещение «в тёплой медовой церкви Рождества Пресвятой Богородицы», но человеком кающимся, признаётся он, стал позднее.

Важное признание. Завихрения истории становились всё круче и неожиданнее, и ощущение причастности к происходящему обусловило гражданский пафос его творчества. Правильно заметил Распутин: «Самое богатое «месторождение» России, богаче нефти, газа и золота, — народ наш, способный на удивительные подвиги, но заваленный по макушку невзгодами и заёмным демократическим дерьмом, так и не отрыт из этих завалов и не позван на службу Отечеству»⁴.

Слова поэта о том, что к творчеству его побудила родная природа, в условиях продолжающегося варварства во всех сферах жизни обретают особый смысл и окрашивают слово неизбывной любовью, горечью, страданием рядом с сознанием себя частицей этого мира, его, так сказать, «мыслящим тростником». В очерке «Эксперимент продолжается» рядом с бесстрашным обнажением фактов удушения священного озера читаем: «И всё-таки было бы неверным освещать только эту сторону жизни, хотя в то время она довлела над нашей психикой. А был ещё в нашей жизни, пускай подсознательно, но всегда неотлучно, исполненный невыразимой красоты и силы батюшка-Байкал. И он, окатывая баргузинской волной прибрежные пески и камни, делал своё вековечное дело, обозначенное природой».

Подтверждаю всем сердцем смысл сказанного поэтом о постоянной подсознательной муке за наше светлое око. Я тоже выросла на байкальском берегу, и не могу сейчас ничего читать из того, что печатают газеты о «перепрофилировании» БЦБК. Невозможно спокойно воспринимать эту самопроизводящуюся ложь. Невозможно видеть разграбленные, изорванные взрывами мраморные берега Байкала. Под эти взрывы прошло и моё детство. Но самое страшное — изуродованная психика людей, участвующих в коллективном преступлении. Забелло сказал об этом смело и без оглядки. Разве можно ждать от жителей Байкальска пощады в отношении к Байкалу или к гибнущей, выброшившейся на берег нерпе с её чудными, полными боли глазами? Город Байкальск назван поэтом «выкидышем шестидесятых годов», сущность его проступает теперь, почти через тридцать лет. «Скороспелый город» строили люди, поставляемые из зон усиленного режима. Дешёвая рабочая сила знала цену себе. Хлынули на стройки те, «которых отторгла родная земля, но которые в поисках счастья и длинного рубля покинули барачные городские окраины, окрестные и дальние колхозы».

В обстановке ложной романтики, в разгул так называемых комсомольских свадеб «развенчивалась душа». Число барачных строений в Байкальске сократилось, но разве может так просто измениться и воскреснуть душа человека?

А что случилось с совестью учёных, тогда и сейчас кормящих себя и потомство тридцатилетними проблемами озера? Их формулировки «Вокруг комбината — зона экологического благополучия» стали звучать иначе: «Вокруг комбината — зона экологического неблагополучия», но не изменилась суть ведомственной науки. Сказать миру: «Остановите преступление» — она не способна.

И думаешь: утихнет ли когда-нибудь боль в душе за всё происходящее? И неужто так и будет, как сказал когда-то сгоряча Валентин Распутин: «Не поможет Байкалу заграница, потому что он в России»? Так вот возлюбил нашу страну «цивилизованный» мир! А сокращение запасов пресной воды случится не завтра же!

Расхожее понятие: поэзия — дитя переломных эпох, верно. Но верно также и

⁴Распутин В. *Что там, за порогом? // Родная земля. 2000. 29 дек. С. 2.*

*Слишком поздно нынче созрееваем.
Слишком рано устаём для дела...
Знать бы мне, что выведет кривая
Сквозь мытарства к отчему пределу.*

В другом стихотворении об этом же:

*Ты прости, дорогая земляца,
Оглянусь — всё овраги да пни...
Не могу я, как прежде, влюбиться
И растратить без памяти дни.*

Свет и печаль живут неразлучно. И иначе не может быть. Ведь вот они, рядом, и зловещий камень, и улетающие птицы, и ветер в закрайках стерни, ракитник, охваченный дрожью, дали азиатской и русской земли. И можно ли «в эту жизнь не влюбиться» и не растрачивать дни без памяти? На вопрос, не упустила ли родная страна свою жар-птицу, следует единственный ответ: «Начинать приходится с утрат». Вот только бы вернулись снова улетающие журавли, и бунтовал бы в гневе и грохоте байкальский ледостав, и вернулась бы к себе самой «тёмная, разодранная, милая страна». В цикле «Готовься, Русь, очиститься от смуты...» мотив возвращения в отчий дом звучит с новой силой, и авторское слово обретает её в народном просторечье.

<i>За окошком поле, А за полем лес. Стынет голубое Полотно небес.</i>	<i>Вот и я в час поздний Тороплюсь туда, Где качает звёзды Зыбкая вода.</i>
---	---

<i>Кедр на дорогу Хвою накидал. На веку он много Ходоков видал.</i>	<i>Где стоят рябины, Над водой грустя... Оклик журавлиный, Родина моя.</i>
---	--

Язык как выражение национальности, как осознание себя частицей свыше данной благодати, приятие святой его гармонии даёт право сказать о поэте как об убеждённом носителе православной идеи. К ней он пришёл окончательно, и это главное в выборе пути именно для поэта. В мире, которому навязывается глобализм, слияние религий и культур, особенно важно, чтобы каждый пишущий вносил в сознание читателя всё лучшее, добытое народом, всё светлое, принесённое им в мир. Едино стадо и един пастырь, по Христу, именно так и возникает. Верность родному языку — путь к единству и совершенству. Нельзя в годину смуты мириться с затуханием голоса родных берегов, исчезновением духа, поредением таёжной чащи, которая молчит сурово и грозно.

Воскресение сейчас, как и в былые времена, свершалось на «горькой и бесхлебной земле», но ему открылись пути. Остальное — в руках человека. Русь — жива.

*И дух её побед, и поля грусть,
И журавли над замершим привольем...
Коль русский ты, в тебе былая Русь
Живёт и отражается неволью.*

В рассказах книги Василия Забелло «Осенний пал» органично слились проза и поэзия, печаль и радость полей, и молитва о невольной вине перед святой красотой, плодами которой вынужден пользоваться.

Содержание рассказа «Фарт» — охота на соболя, ум и сноровку которого не так просто одолеть. Удача оказалась неожиданной. Выслеженный роскошный зверь был «настоящим баргузинским кряжем». «Шелковистый с проседью ворс отдавал чёрным сголуба отливом... такого полуметрового красавца добывать не приходилось».

В рассказе ненавязчиво, но убедительно и без лишних слов проступает подлинный социальный фон, жёсткий, игнорирующий нужды человека быт, его поруганные самые элементарные запросы.

В обеднённой, обобранной стройками тайге охотнику приходится быть браконьером, чтобы прокормить семью. Брошенный на произвол судьбы, задавленный планами добычи, человек хитрит — поневоле приспособливается, но остаётся человеком. Отойдя километра полтора от кровавого места схватки, взглянув на вершину Галанской гривы, добытчик увидел полыхающую гигантскую свечу, разрывающую в клочья тяжёлые сумерки. «И сразу же в сердце вонзилась какая-то знобящая и неотвратимая укоризна — рад бы глаза отвести, а не в силах. "Прости меня, Хозяин, прости меня, тайга!" — взмолился охотник». Поэзия прозы живёт и царствует в рассказе. Она сурова и прекрасна, питает опыт и смекалку человека, испытывает его на прочность и одаряет верой в силу высшей мудрости.

*Предисловие к кн.: Забелло В. Осенний пал.
Изд-во «Иркутский писатель», 2001. С. 3–12.*

*Н.С. Тендитник. Ликуя и скорбя :
статьи, рецензии, публицистика. Сост.-ред.,
авт. вступ. ст. В.А. Семенова. — Иркутск, 2017.*